

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1955

В. А. Ш И Ш К И Н

ВАРАХША

(Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)

Начатое в конце 30-х годов археологическое исследование городища Варахша (рис. 1), давшее сразу же исключительно ценный материал для характеристики древней культуры народов Средней Азии¹, было прервано в связи с Великой Отечественной войной и возобновлено, не считая небольших работ, проведенных в 1947 г.², только в 1949 г.³ С тех пор работы на Варахше производились ежегодно специальным отрядом Узбекско-Зарафшанской археологической экспедиции Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР⁴.

Благодаря большому вниманию, проявленному Правительством и Академией Наук Узбекской ССР, послевоенные работы экспедиции производились со значительно лучшим материальным и техническим оснащением, чем в 1938 и 1939 гг. Особенно большое значение имело снабжение экспедиции в достаточном количестве автомобильным транспортом; для разведок и рекогносцировок, сверх того, мы имели возможность пользоваться самолетами. Это позволило нам развернуть работы значительно шире и провести ряд крупных исследований: закончить в основном раскопки развалин дворца бухар-худатов, полностью исследовать цитадель, возвышающуюся рядом с дворцом на южной стороне городища, исследовать на значительной площади остатки жилых домов последнего периода существования селения (X—XI вв.) и частично выполнить ряд значительных по площади и глубине стратиграфических исследований. Раскопки собственно на городище Варахша были дополнены разведочными раскопками двух памятников, находящихся в его окрестностях: бугра Талли-Гуза (в 2 км к северу от Варахши) и безымянного тепе,

¹ Основные публикации работ этого периода см. КСИМК, X, 1941, и ТОВЭ, т. IV, 1947.

² В. А. Ш и ш к и н. Археологические работы 1947 г. на городище Варахша. Изв. Академии Наук УзбССР, 1948, № 5.

³ В работах этих лет, кроме автора статьи, принимали участие в качестве научных сотрудников Н. В. Дьяконова (Эрмитаж), В. А. Нильсен, В. Д. Жуков, Л. И. Альбаум, С. К. Кабанов, М. К. Бабаева, Ф. Азадаев, М. Х. Урманова и лаборантов — Г. Н. Катков, Т. Агзамходжаев и др. Зарисовки стенных росписей производились художниками Г. Н. Никитиным, Ю. П. Гремячинской и В. Н. Кедриным. Работы по фиксации и вырезке со стен стенных росписей выполнялись Е. Г. Шейншиной (Эрмитаж) и И. Б. Бентович (ЛОИИМК).

⁴ Кроме работ на городище Варахша, Узбекско-Зарафшанская археологическая экспедиция выполнила ряд исследований в Самаркандской, Бухарской, Кашкар-Дарьинской, Сурхан-Дарьинской и Наманганской областях УзбССР.

условно названного нами Аяк-тепе № 2 (в 18 км на запад). Попутно производились рекогносцировочные исследования того большого района древней земледельческой культуры, который расположен к западу от современного Бухарского оазиса.

Расширение программы работ по изучению как самого городища, так и его окрестностей, дало такой большой материал, что он позволил уточнить, а во многих отношениях и исправить ранее сделанные наблюдения.

Рис. 1. Общий вид городища Варахша с южной стороны.

В частности, пришлось в корне пересмотреть вопрос о датировке памятников древнего искусства — резной алебастровой скульптуры и стенной живописи дворца бухар-худатов, а также и о времени возведения этого дворца.

Яснее стала теперь и история Бухарского оазиса в целом. Кроме работ Варахшского отряда, большую роль в этом сыграл особый разведочный отряд, возглавлявшийся Я. Г. Гулямовым, который открыл неподалеку от Варахши (около 25 км южнее), у озера Заман-баба, памятники культуры эпохи бронзы, датируемые III тысячелетием до н. э. Им же произведена разведка бугра Кызыл-кыр, примерно на таком же расстоянии к северу от Варахши, где, по предварительным данным, сообщенным Я. Г. Гулямовым, обнаружены остатки земледельческого поселения, датируемого VIII—VII веками до н. э.¹ Так как земледелие в районе Кызыл-кыр могло быть основано только на искусственном орошении, это открытие значительно углубляет историю образования Бухарского оазиса, что весьма существенно подкрепляет высказанное нами еще в 1940 г. предположение о том, что оросительная система Бухарского оазиса, вероятно, не так широко развитая, как в более позднее время сло-

¹ Результаты работ Я. Г. Гулямова еще не опубликованы и любезно сообщены им лично.

жившихся рабовладельческих отношений, существовала, вопреки мнению В. В. Бартольда, еще до походов Александра Македонского¹.

Большое значение для истории Бухарского оазиса имеют работы, произведенные около станции Кую-Мазар, где аспирантом О. В. Обельченко был раскопан ряд курганов, датируемых первыми веками до нашей эры или первыми веками нашей эры. Считая преждевременными далеко идущие выводы и заключения, считаю все же возможным отметить большое сходство некоторых предметов погребального инвентаря с соответствующими вещами сарматских курганов Поволжья, что указывает на некоторые культурные, а может быть, и этнические связи. Другая часть инвентаря (керамика) носит типичный облик среднеазиатского рабовладельческого времени.

Одним из открытий 1953 г. является обнаружение к западу от Варахши остатков древней стены, окружавшей Бухарский оазис и известной в археологической литературе под названием Кампир-дивал. Остатки ее на восточной стороне оазиса были описаны еще в конце прошлого столетия и затем неоднократно являлись предметом исследования. Попытки, — сначала Л. А. Зиминой, а затем и наши, — определить место, где находилась эта стена на западной стороне, оставались безуспешными. Теперь выяснилось, что стена эта проходила около бугра Кампирак примерно в 10 км от Варахши и направлялась оттуда в сторону мазара Ходжи-Убан. Таким образом, западная группа развалин, сохранивших остатки культуры рабовладельческого общества, без всякой примеси памятников средневековья, запустевшая, по нашим определениям, около IV в. н. э., оставалась вне этой стены, что указывает, вероятно, и на время ее возведения — между IV и VI вв. н. э.²

В целом разведки и рекогносцировки послевоенных лет во многом детализировали и уточнили наши представления о Бухарском оазисе и районе Варахши, но основные этапы развития оазиса, намеченные нами раньше³, вполне подтвердились. Время самого образования Бухарского оазиса и постройки первых ирригационных каналов пока еще не может быть установлено с достаточной степенью точности. Можно только предположить, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. здесь существовали, может быть, еще небольшие, оросительные каналы и что земледелие, основанное на каирном орошении, возникло значительно раньше этого.

С гораздо большим основанием мы можем утверждать, что максимального развития ирригационная система оазиса достигла около начала нашей эры. Последнее, несомненно, связывается с наибольшим развитием рабовладельческих отношений. Об этом свидетельствуют те же «западной группы развалин», находящиеся в 15—20 км к западу от Варахши. Разведка на одном из них, произведенная В. Д. Жуковым в 1951—1952 гг., подтвердила эту дату вполне надежным материалом. В конце IV — начале V в. н. э. функционировавшая до того ирригационная система подверглась значительному сокращению: «западная группа» была в этот период оставлена жителями и захвачена наступающими песками

¹ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 42; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 9.

² Первое сообщение о стене Кампир-дивал (Н. Ф. Ситяковского) см. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год III. Ташкент, 1897—1898, стр. 89—94; см. также А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции), ТОВЭ, т. II, стр. 113—148.

³ В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 42—45.

пустыни Кызыл-кум. Весьма возможно, — хотя это и не установлено достаточными данными, — что сокращение оазиса на его западной стороне было значительно бóльшим, что оно распространилось дальше на восток, за пределы «западной группы», и что часть древних, заброшенных до того поселений вновь возродилась уже в средневековье, в IX—X вв.

Эти даты имеют не только местное значение. Они полностью совпадают с датами, которые установлены С. П. Толстовым для Хорезма¹. Несомненной представляется связь сокращения оазиса с переживавшимся страной кризисом рабовладельческих отношений и той классовой борьбой, которая сопровождала этот процесс. Эта борьба, осложнявшаяся в условиях Средней Азии передвижениями и нападениями кочевых племен, непосредственно сказывалась на поддержании и правильном функционировании оросительной системы (рис. 2).

На втором этапе территория орошаемых и возделываемых земель Бухарского оазиса еще более сократилась. В это время опустела Варахша и вся прилежащая к ней округа площадью, равной почти 500 кв. км. Относительно даты этого катастрофического сокращения площади ирригационной системы мы несколько расходимся с С. П. Толстовым. По его исследованиям в Хорезме ряд крупных каналов забрасывается сначала в VIII—IX вв., а следующий этап сокращения ирригационной сети падает на время XIII—XIV вв. — период монгольского завоевания². Исследование описываемой территории, в частности огромного количества находимого здесь повсюду подъемного археологического материала, в том числе двух с лишним тысяч преимущественно медных монет, не показывает значительного кризиса, который имел бы место в VIII—IX вв. Наоборот, большое количество монет халифатского чекана (в нашей коллекции представлены едва ли не все типы бухарского чекана этого времени) говорит об оживленной жизни именно в этот период, так же как и в более поздние времена — тахиридского и саманидского государства. Последние по времени монеты, встречающиеся в более или менее массовом количестве, относятся к первым десятилетиям господства караханидов. Хозяйственный и политический кризис, вызвавший запустение большой земледельческой территории, вероятнее всего, следует датировать для Бухарского оазиса второй половиной XI в. или началом XII в. Повидимому, и причины, вызвавшие этот кризис и сокращение посевных площадей, здесь были не теми же, что в Хорезме. Этот вопрос еще далеко не ясен и требует дальнейшего тщательного исследования с привлечением как археологических, так и письменных источников.

Однако представляется вполне возможным, что основные причины кризиса земледелия в нижней части долины Зарафшана следует искать во внутренних процессах развития форм феодального землевладения: в распаде и исчезновении старых дехканских владений и распространении института «икта» — восточной формы бенефиция. «Икта» оказалась чрезвычайно удобной для новой кочевой военной аристократии, но разрушительной для ирригационного земледелия, требующего со стороны господствующих кругов постоянной заботы о поддержании оросительных каналов. Известно, что именно в этот период дехканские замки и сады приходят в запустение, а часть земель в долине Зарафшана была занята тюркскими кочевниками, переселившимися вместе с караханидами³. По

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 47.

² Там же, стр. 46, 47.

³ История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 292 (часть, написанная А. Ю. Якубовским).

мнению А. Ю. Якубовского, «процесс постепенного уничтожения дехканства протекал весьма болезненно», что и вызвало сообщаемое переводчиком «Истории Наршахи» Абу-Насром Кубави обесценение земель в местности Кушки-Муган около Бухары¹

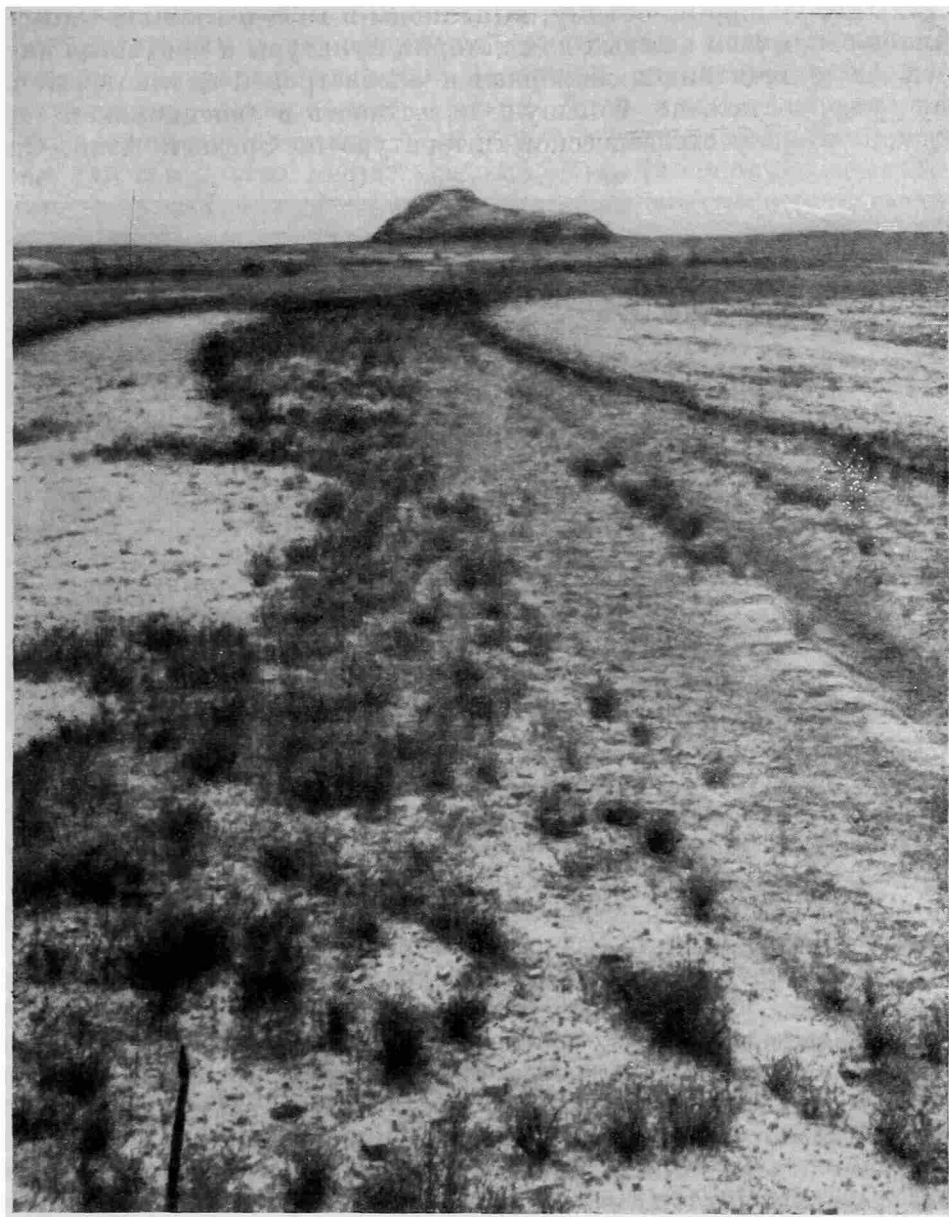

Рис. 2. Древний канал в окрестностях Варахши.

После XII в. описываемая территория оставалась пустой. Только кое-где встречаются осколки керамики, типичной для XV в., вряд ли связанные с сельскохозяйственными селениями, а ближе к самой границе современного оазиса имеются развалины небольших селений, заброшенных в последние столетия.

¹ История народов Узбекистана, т. I, стр. 289; Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод Н. С. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 43.

Перейдем к описанию раскопок на городище Варахша. Наиболее трудоемким и сложным объектом исследования явился дворец бухархудатов, расположенный на южной стороне городища, непосредственно у городской стены (рис. 3). Впервые развалины крупного здания, тогда же отождествленного с дворцом, были обнаружены в 1937 г. Раскопки его, очень небольшие по объему, выполнены в 1938 и 1939 гг. Они сопровождались открытием важных для истории культуры и искусства народов Средней Азии памятников живописи и алебастровой скульптуры, получивших уже достаточно большую известность в специальной археологической и искусствоведческой литературе по Средней Азии. Однако

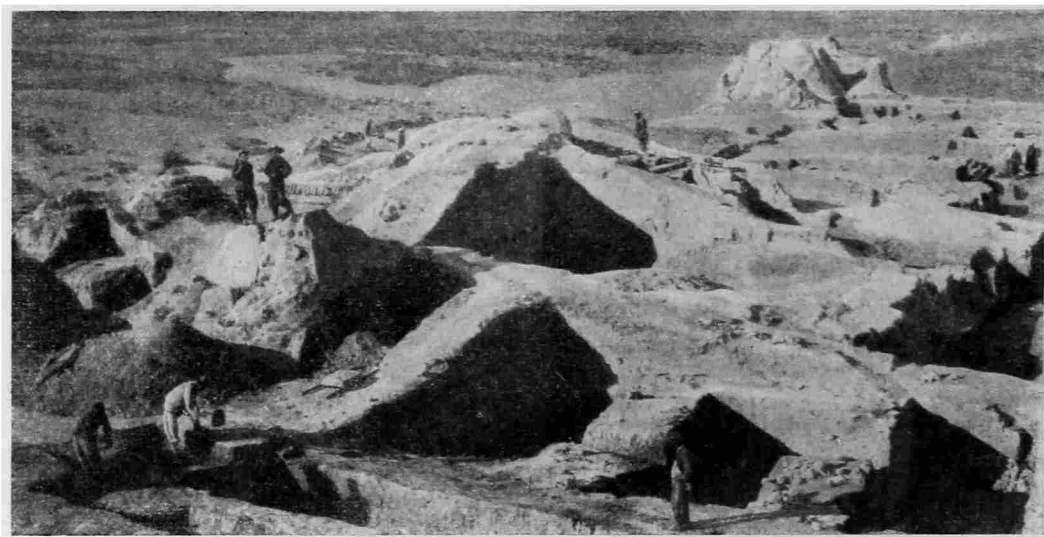

Рис. 3. Общий вид раскопок дворца.

весьма ограниченные размеры раскопок не позволили тогда выяснить в достаточной мере историю здания и его разновременных наслоений, что привело к некоторым неправильным выводам, особенно в отношении хронологических определений. Резной алебастровый декор и стенная живопись не могли тогда быть датированы достаточно надежно и точно, для чего недоставало стратиграфических данных при полном отсутствии привычного в раскопках археологического материала — керамики, монет и т. п. Датировать открытые памятники искусства пришлось по аналогии с резным алебастром Ирана и Восточного Туркестана и со стенной живописью Восточного Туркестана и Бамиана, так как на территории Средней Азии подобные памятники в то время не были известны. Напомним, что, за исключением небольшого фрагмента живописи, открытого в 1913 г. на Афрасиабе, и щита из замка на горе Муг в Таджикистане, древняя живопись Средней Азии оставалась совершенно неизвестной. Что же касается резного алебастрового декора того типа, который мы встретили на Варахше, он и по сей день не имеет достаточно точных аналогов, хотя находки на Тупрак-кала алебастровой женской статуэтки, части головы большой мужской статуи и остатков алебастровой орнаментации¹ свидетельствуют о том, что эта техника декора на территории Средней Азии имеет большую древность. О том же говорят небольшие фрагменты алеба-

¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 311, 312.

ровых статуй, найденных в развалинах Айртам близ Термеза и относящихся, повидимому, к кушанскому времени¹.

Сравнения с памятниками соседних со Средней Азией стран, к тому же еще часто совершенно ненадежно датированными, привели к ошибочному мнению о большой древности как живописи, так и алебастрового декора Варахши, которые были датированы III—IV веками н. э. с оговоркой, что «все датировки на основании стиля, не подкрепленные или недостаточно подкрепленные, как в нашем случае, дополнительными археологическими материалами, могут быть только предварительными и ориентировочными»². В свете последних работ как на Варахше, так и в других местах Средней Азии (в первую очередь на Тупрак-кала и в Пянджикенте) хронологическое место памятников искусства Варахши может быть уточнено; они оказались значительно более поздними. К вопросам датировки этих памятников мы вернемся ниже, в связи с описанием раскопок дворца.

Еще в довоенные годы выяснено, что дворец подвергался неоднократному ремонту и переделкам. Картина, выявившаяся в результате раскопок 1949—1953 гг., оказалась значительно более сложной. В сущности, в тех остатках, которые дошли до нашего времени, сохранились лишь фрагменты разновременных зданий, не дающих возможности восстановить план и структуру постройки ни для одного из периодов существования дворца. Исследование осложнялось еще и тем, что из-за сложного рельефа места, на котором было возведено здание, более поздние его части нередко оказывались на том же уровне или ниже, чем более древние.

Хронологическое определение слоев затруднялось почти полным отсутствием археологического материала. Размельченные черепки от грубых сосудов типа хумов мало помогали в этом, так как они находились в искусственно сделанных засыпках и забивках или происходили из сырцовых кирпичей и глины, употребленных на постройку, т. е. были взяты там, откуда строители брали землю для кирпича. Поэтому потребовались большие работы, которые дали в конце концов возможность разобраться в запутанной и сложной картине археологических наслоений.

От первоначальной постройки сохранилась лишь ее массивная южная стена, являвшаяся одновременно и южной стеной города. Эта стена отличается характерной системой кладки и несколько более мелким кирпичом от всех позднейших, а также и более ранних стен. Кладка стены характеризуется тем, что кирпичи положены в ней не вплотную один к другому, а с некоторым промежутком, шириной в 12—13 см. Сверху на этот ряд кирпича накладывался толстый слой глины, заполнявший и промежутки между кирпичами; поверх выкладывался в такой же системе следующий ряд³. Кладка в общем отличается большой

¹ М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртам. Труды Академии Наук УзССР, серия I (история, археология), Термезская археологическая экспедиция, т. I. Ташкент, 1945, стр. 25.

² В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ. т. IV, 1947, стр. 285. Ближе к истине была первоначально предложенная нами для резного алебаstra дата (VI—VIII вв. н.э.), принятая по первому впечатлению, когда было открыто еще только всего несколько фрагментов (В. А. Шишкин. Резная штукатурная декорация из развалин Варахша близ Бухары. «Искусство», 1938, № 5, стр. 151).

³ В. Л. Воронина приводит подобный вид кладки под названием «комбинированной» (Древняя строительная техника Средней Азии, «Архитектурное наследство» 1953, № 3, стр. 12, рис. 9, 2Б).

тщательностью, с правильным чередованием рядов, положенных ложками и тычками. Эта стена проходит почти вдоль всех развалин здания, за исключением его западной части. К стене с южной стороны пристроена сложенная в той же технике башня, от которой сохранилась только нижняя часть, однако настолько, что видно ее внешнее оформление типичными «гофрами», т. е. тесно сдвинутыми полуколоннами, между которыми заметны следы бойниц (рис. 4). Самое это оформление башни, несомненно, одновременной с древней стеной дворцового здания, дает

Рис. 4. Остатки башни на южной стороне городища.

дату ее возведения, хотя и очень приблизительную. По аналогии с соответствующими памятниками Хорезма, где благодаря исключительно благоприятным условиям сохранились достаточно хорошо стены древних зданий, описываемая стена дворца и башня вряд ли могли бы быть отнесены ко времени, более раннему, чем конец V в. н. э. Подтверждением именно такой даты служит находка в кирпичной кладке стены медной скифатной монеты, типа, часто встречающегося в числе подъемного материала на Варахше; эта монета, несомненно, бухарского чекана, на лицевой стороне ее изображена голова в профиль вправо, увенчанная диадемой с полумесяцем, а на оборотной стороне — жертвенник, напоминающий по форме букву Н, с легендой, надежно еще никем не прочитанной¹. Точная дата этих монет также пока еще не установлена. Аллот де ла Фюи датирует их VII—VIII веками. М. М. Явич, основываясь на связи их с аршакидскими монетами, предлагает дату III—IV вв.

¹ Последняя попытка чтения легенды принадлежит М. М. Явич (ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 214—218).

Последняя дата представляется наиболее вероятной, на что указывает и место находки монеты при раскопках на Варахше¹.

Таким образом, мы получаем приблизительную, но вполне надежную, н а и б о л е е р а н н ю ю дату постройки дворцового здания.

Фрагменты стен, построенных при помощи тех же технических приемов, были обнаружены также на северной стороне площадки, занимавшейся дворцовым зданием, в глубинном раскопе, заложенном с целью выяснения стратиграфии нижних слоев. Этот раскоп показал, что ниже упомянутых остатков стен сохранились еще фрагменты более древних зданий, числом не менее пяти, последовательно сменявших друг друга. Однако все эти остатки не производят впечатления капитальных сооружений. Основным строительным материалом для них служил сырцовый кирпич, продолговатый, несколько варьирующий в размерах, но более крупный, чем кирпич стены, описанной выше. Это обстоятельство также весьма существенно для определения даты интересующего нас сооружения, так как разведками на Баш-тепе, произведенными в 1938 г., а позднее и раскопками на самом городище Варахша, установлено, что кирпич (сырцовый) рабовладельческого периода, до и после начала нашей эры, как и в других областях Средней Азии, на Варахше и в ее районе был квадратным. Следовательно, даже самое нижнее из обнаруженных в нашем стратиграфическом раскопе зданий не могло быть возведено раньше V в. н. э. Следует, правда, оговориться, что сырцовые, мало капитальные здания могли сменяться одно другим настолько быстро, что между нижним и верхним из них могло пройти относительно небольшое время, например полтора столетия или несколько больше. Все же это служит указанием, что дату первоначальной постройки дворцового здания мы должны еще несколько приблизить к нашему времени и определить ее VI веком н. э.

К древней капитальной стене с северной стороны примыкает несколько больших помещений. Крайнее с восточной стороны помещение шириной около 12 м (длина в настоящее время не может быть выяснена) названо нами «восточным залом». Зал этот интересен тем, что на его южной и отчасти на западной стенах, а также на небольшом уцелевшем куске восточной стены, сохранились остатки стенной живописи. На южной стене была некогда изображена многофигурная композиция, представлявшая «сидящего на троне царя со свитой. От фигуры царя сохранились только нижние части ног и меч, поставленный между ними. Царь сидел на троне (рис. 5), украшенном золотыми (желтые с моделировкой красными линиями) грифонами — крылатыми верблюдами. В связи с этим интересно вспомнить сообщение Бейши о том, как владетель Бухары (Ань) «сидит на золотом престоле, представляющем верблюда, вышиною от 7 до 8 футов»². Влево от царя (со стороны зрителя), спиной к нему, сидит на поджатых коленях юноша с тонкой талией, в богатом костюме с кинжалом на поясе (рис. 6). Перед юношей стоит жертвенник или курильница на конической подставке, увенчанной широким диском с подвесками, похожими на колокольчики. Над диском возвышается подставка, на которую поставлена жаровня, имеющая вид ковша с короткой ручкой. В жаровне горят какие-то шарики. Коническое основание жертвенника

¹ Мнение М. М. Явич о дате описанной монеты поддержал С. П. Толстов (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 31, прим.). Дата Аллот де ла Фюя в свете находки этой монеты на Варахше оказалась явно ошибочной.

² Н. Я. Б и ч у р и н (И а к и н ф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, 1950, стр. 272.

разделено на несколько орнаментальных поясов; в среднем, самом широком, изображен лежащий верблюд, на котором сидит человек в короне и туго перетянутой в талии одежде. В левой руке он держит предмет,

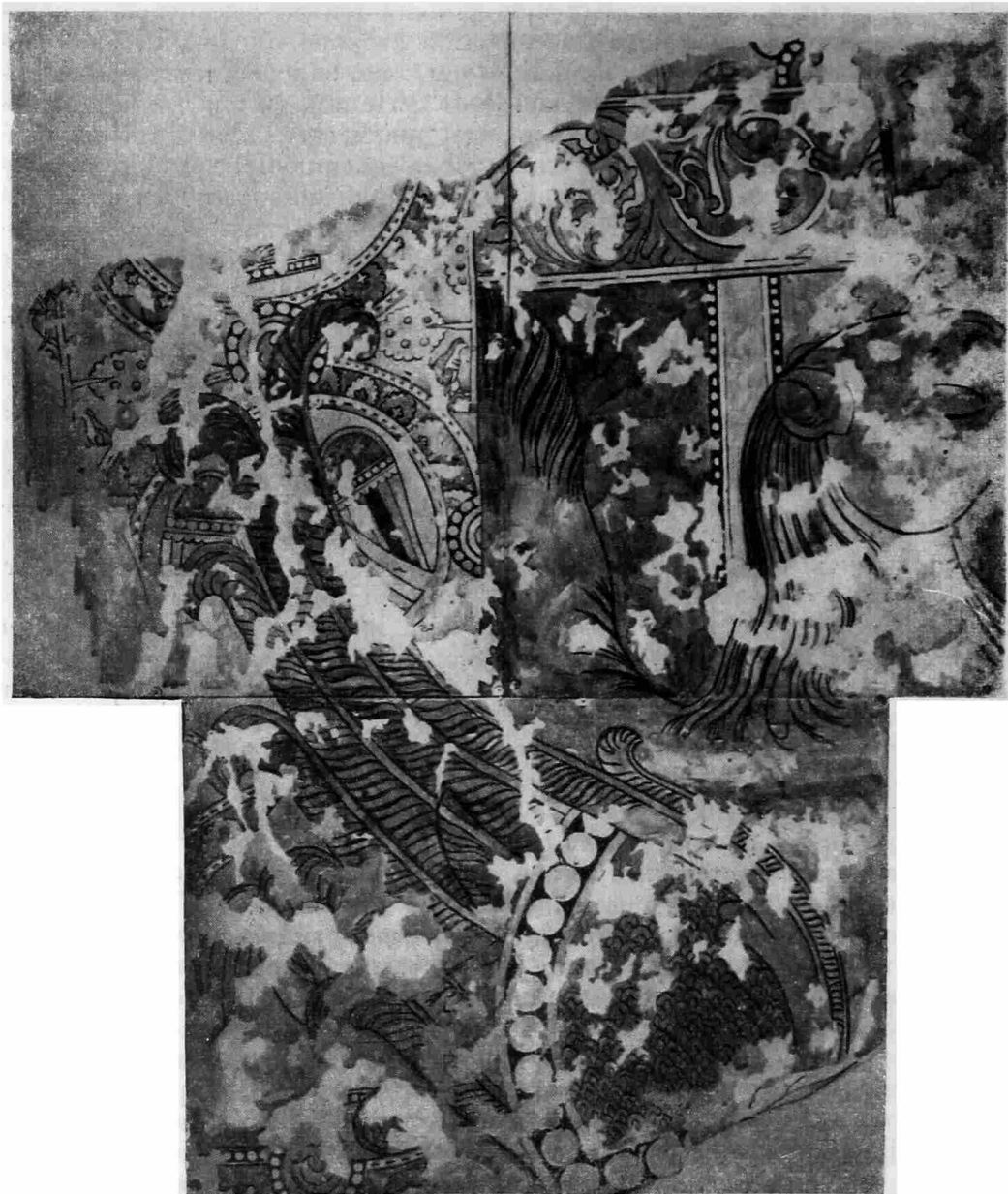

Рис. 5. Часть изображения трона (зарисовка В. А. Нильсена).

напоминающий маленький жертвенник. Возможно, что и в данном случае верблюд изображает своеобразный трон.

Еще левее, с другой стороны жертвенника—сидящая фигура, повернутая в полуоборот к жертвеннику; в правой руке этого персонажа — палочка, протянутая к огню, в левой — полусферовидная чаша, в которой видны белые шарики, похожие на те, что лежат в жаровне; на поясе — большой длинный меч. Далее влево — третья фигура; она также сидит,

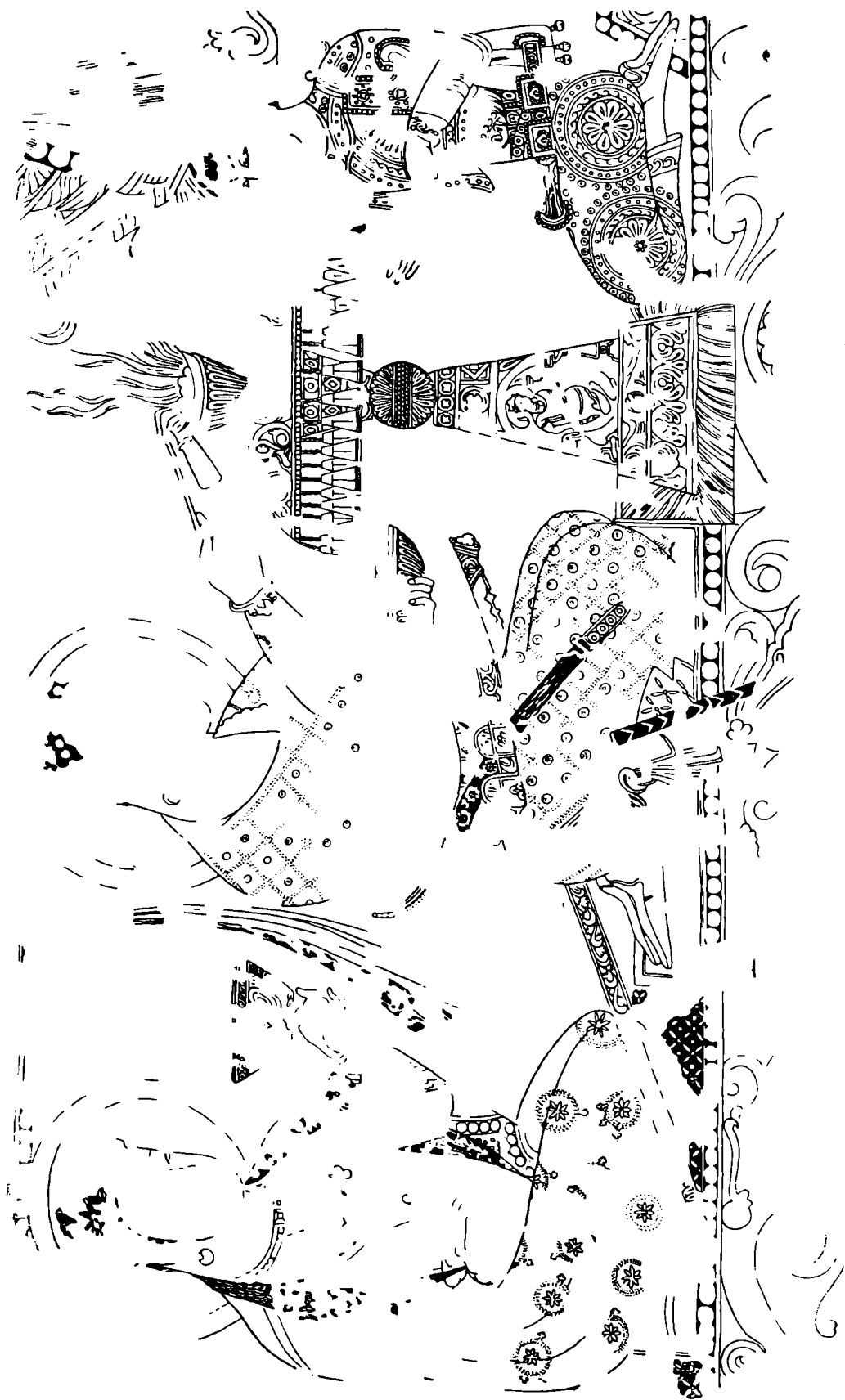

Рис. 6. Фрагмент росписи «восточного зала» (прорисовка).

повернувшись в сторону жертвенника и трона царя; лицо изображено в три четверти, в левой руке — желтая орнаментированная чаша на высокой ножке.

Левее очень плохо сохранились фрагменты еще двух фигур.

Справа от царя изображен помост с балдахином; кровля его поддерживалась двумя колоннами, капители которых были украшены кариатидами в виде крылатых юных существ, может быть, — детей (рис. 7)¹. Под балдахином также были изображены сидящие фигуры, повидимому — две. От них сохранились лишь слабые следы. Большой интерес представляют изображения ковриков, на которых сидят представленные в композиции персонажи, орнаменты тканей², в которые они одеты, свисающие драпировки, различные предметы, представленные в живописи. Все это в целом дает яркое представление о быте и обстановке правящих кругов времени раннего феодализма, к которому относятся описываемые росписи.

Сохранность росписи далеко не блестяща: уцелела только нижняя часть огромной композиции, занимавшей стену 12-метровой длины; высота стены доходила, надо полагать, до 6—7 м. И в том, что сохранилось, очень много испорченных мест: мелких выпадов краски, корневищ, порок животных, больших выпадов штукатурки, грубо замазанных глиной при каком-то ремонте, и т. д. Однако даже в том состоянии, в каком роспись дошла до нашего времени, она производит сильное впечатление своим разнообразным, но мягким колоритом и большим мастерством, с которым прорисованы фигуры и отдельные детали.

Очень важно отметить здесь большое сходство некоторых элементов варахшской росписи с росписями Пянджикента. В частности, описанный выше жертвенник-курильница и сидящий вправо от него юноша, с его удивительно тонкой талией и прямым, горизонтально висящим на поясе кинжалом, имеют почти полную аналогию в объекте I раскопок в Пянджикенте³. Только рисунок жертвенника сложнее и обильнее украшен обогащающими его орнаментальными и даже изобразительными мотивами. Есть значительные элементы сходства и в целом ряде других деталей, как, например, в «сенмурвах», парящих над изображенными персонажами⁴. Совершенно одинакова техника живописи, заключающаяся в применении клеевых красок, наложенных на тщательно затертую глиняную штукатурку по тонкой белой подгрунтовке. Основное отличие заключается в том, что росписи Варахши даны в значительно более крупных масштабах; например, изображения сидящих людей больше натуральной величины. Что же касается фигуры царя, то она была, вероят-

¹ Аналогии этим кариатидам мы встречаем в рельефах биянайманских оссуариев (А. Я. Б о р и с о в. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях. ТОВЭ, т. II, 1940, табл. II и VIII) и известном серебряном сосуде из с. Слудки, находившемся в коллекции Строганова, также, повидимому, среднеазиатского происхождения. Вообще кариатиды варахшской живописи являются новым и достаточно убедительным аргументом для приурочения к Средней Азии значительной части так называемой «сасанидской» торовитки, о чем уже много раз было сказано в советской археологической литературе.

² Изображения на тканях в варахшской живописи дают нам полное право поставить вопрос о среднеазиатском происхождении также и «сасанидских» тканей, найденных в Восточном Туркестане. В этом нас убеждает простое сравнение некоторых мотивов, например головы кабана в варахшской росписи и такой же точно головы на ткани из Турфана (А. S t e i n. On ancient Central-Asian tracks. London, 1933, стр. 269, рис. 124). Основанием для такого предположения служат и сообщения Наршахи (перевод Лыкошина, стр. 29) и географов X в. о драгоценных тканях, которыми славился город Средней Азии.

³ Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 37, 1953, табл. V.

⁴ Там же, табл. IV.

Рис. 7. Изображение карнатиды (зарисовка В. И. Кедрова).

но, колоссальной, не меньше 6 м в спячем положении. Здесь строже и монументальнее композиция, тщательнее и каллиграфичнее рисунок, ярче и красочнее мягкий и уравновешенный колорит. Словом, на наш взгляд, росписи Варахши являются произведением более зрелого и изощренного мастерства, чем росписи Пянджикента. Тем не менее они, несомненно, произведения одной и той же культуры, одной и той же эпохи.

Интересный фрагмент живописи сохранился в южном конце западной стены «восточного зала». Здесь были изображены едущие вправо всадники, одетые в панцири, в остроконечных желтых шлемах со свисающими на плечи кольчужными бармицами. Панцири, покрывающие туловище и ноги, набраны из желтых и голубых пластинок чередующимися горизонтальными рядами. Ноги вдеты в стремяна, на правом боку висит колчан со стрелами. Живопись сохранилась плохо, красочный слой сильно осыпался. Однако хорошо видна вся крайняя слева фигура всадника, от второй фигуры уцелели только фрагменты, еще хуже сохранилась третья. Правее стена была в позднейшее время, при перестройке, закрыта толстой сырцовою стеной, и живопись на ней, повидимому, совершенно не сохранилась.

Незначительный по площади кусок живописи уцелел также и на восточной стене, около юго-восточного угла помещения. На нем можно разобрать только изображения камыша; повидимому, на этой стене была изображена сцена охоты. Таким образом, становится ясным и весь сюжетный репертуар живописи «восточного зала»: торжественный прием царя, войско (быть может, сцена битвы) и охота, т. е. три излюбленных сюжета искусства не только древнего, но и средневекового Востока.

«Восточный зал» в целом сохранился очень плохо. Его восточная стена обрушилась и позднее была сложена заново, но очень грубо. Затем внутри этого зала из сырцового кирпича было построено целое здание, состоящее из четырех помещений, образующих анфиладу. Однако это здание не заняло всей площади «восточного зала»: с южной и восточной сторон остались свободные пространства, которые тогда же были забиты землей. Это счастливое обстоятельство и сохранило для нас драгоценный памятник древней живописи. Жизнь во вновь построенных помещениях, повидимому, с перерывами, продолжалась вплоть до X в. или даже XI в. В одном из этих помещений была сделана находка еще нескольких фрагментов живописи в виде кусков, лежавших на полу. На двух из них видны фигуры всадников, стреляющих из лука, в характерном повороте назад (рис. 8). На третьем фрагменте, кроме всадника, уцелела часть фигуры животного с длинными винтообразными рогами. Эти фрагменты, несомненно, представляют собой части одной и той же охотничьей сцены.

К западу от описанного зала, смежно с ним, находится второй большой зал, названный нами по преобладающему тону живописи, покрывавшей его стены, «красным залом» (рис. 9). Стены зала в южной части сохранились на высоту до 4,5 м; к северу они круто понижаются. Живопись уцелела только в нижней части стен. Во многих местах она была испорчена, ибо значительные куски штукатурки с живописью вырублены каким-то острым орудием. Больше всего подверглись порче фигуры и головы изображенных здесь людей. Много разрушений и другого происхождения. Но зато оставшаяся часть живописи отличается прекрасной сохранностью красочного слоя, яркостью и сочностью тонов. Часть этой росписи, занимающая около половины западной стены зала, была вскры-

та в 1939 г.¹ Поверхность стены оказалась разбитой на два горизонтальных пояса. В нижнем из них изображены повторяющиеся группы, состоящие каждая из слона с сидящим на нем огромным, по сравнению со слоном, всадником — царем или героем — и значительно меньшим по масштабу погонщиком. С обеих сторон на них нападают звери-чудовища, во всех случаях разные. В крайней правой из сохранившихся композиционных групп они представлены оранжево-красными зверями, напоминающими больше всего львов; в следующей группе это были белые крылатые грифоны с туловищем и задними лапами собаки, а передними — когтистыми птичьими. Головы этих грифонов, к сожалению, не сохранились. Дальше была изображена группа с желтым слоном, в отличие от предыдущих белых или светлосерых с белыми круглыми пятнами, и звери кошачьей породы с расплывчатыми своеобразной формы пятнами.

В наилучшей сохранности оказалась крайняя слева группа у юго-западного угла помещения (рис. 10). Здесь с относительно незначительными, легко восполняемыми воображением лакунами сохранились все основные элементы изображения.

Большой интерес представляет фигура витязя. Он сидит на слоне боком. Левая нога, опущенная вниз, вставлена в стремя, правая согнута в колене. Всадник вооружен копьем, с помощью которого он поражает нападающего сзади зверя, похожего на гепарда. На голове всадника надета крылатая корона, украшенная перлами и частично сохранившейся протомой какого-то животного. Широкое лицо с небольшими, едва намеченными усиками (рис. 11). Обращает на себя внимание длинная оттянутая мочка уха с массивным кольцом, такая же, какую мы видим в многочисленных буддийских изображениях. Одежда этого персонажа ограничивается короткими шароварами и низенькими сапожками, верхняя часть которых украшена орнаментальной каймой с перлами. Зато обнаженный торс всадника увешан большим количеством ожерелий; на нем надет богато орнаментированный пояс, с которого свисает длинный прямой меч, на руках и ногах — своеобразные браслеты. По обе стороны от него развеваются длинные ленты. Погонщик изображен также полуобнаженным, с браслетами и поясом-португеей, на которой висят ножны прямого меча. Самый меч — в правой руке погонщика: он вонзил его почти по самое перекрестье в грудь такого же, как и слева, животного, напоминающего гепарда. Обильно украшен также и слон. Всадник сидит на круглой орнаментированной каймой попоне, прикрепленной широкой подпругой с «елочным» орнаментом. На шею слона надет ошейник с подвесками и бубенчиками, сзади — подхвостник с такими же подвесками.

Хорошо сохранилась проходящая по нижней части стены широкая орнаментальная кайма, на которую опираются ноги слона и зверей.

Южная стена зала открыта пока еще только наполовину². Во вскрытой части стены мы видим совершенно аналогичные композиционные

¹ Подробное описание см. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 259—266.

² Каждый вскрываемый кусок росписи подвергается очистке, закреплению и зарисовывается в натуральную величину в красках с возможно большей точностью по предварительно снятым калькам. Эта работа, которая с большим успехом выполнялась художниками Г. Н. Никитиным, Ю. П. Гремячинской и В. Н. Кедриным, а также старшим научным сотрудником Института истории и археологии Академии наук УзССР В. А. Нильсеном, при больших площадях, требовавших фиксации, настолько задерживала изучение росписей, что в каждом сезоне раскопок мы успевали обрабатывать только часть стены.

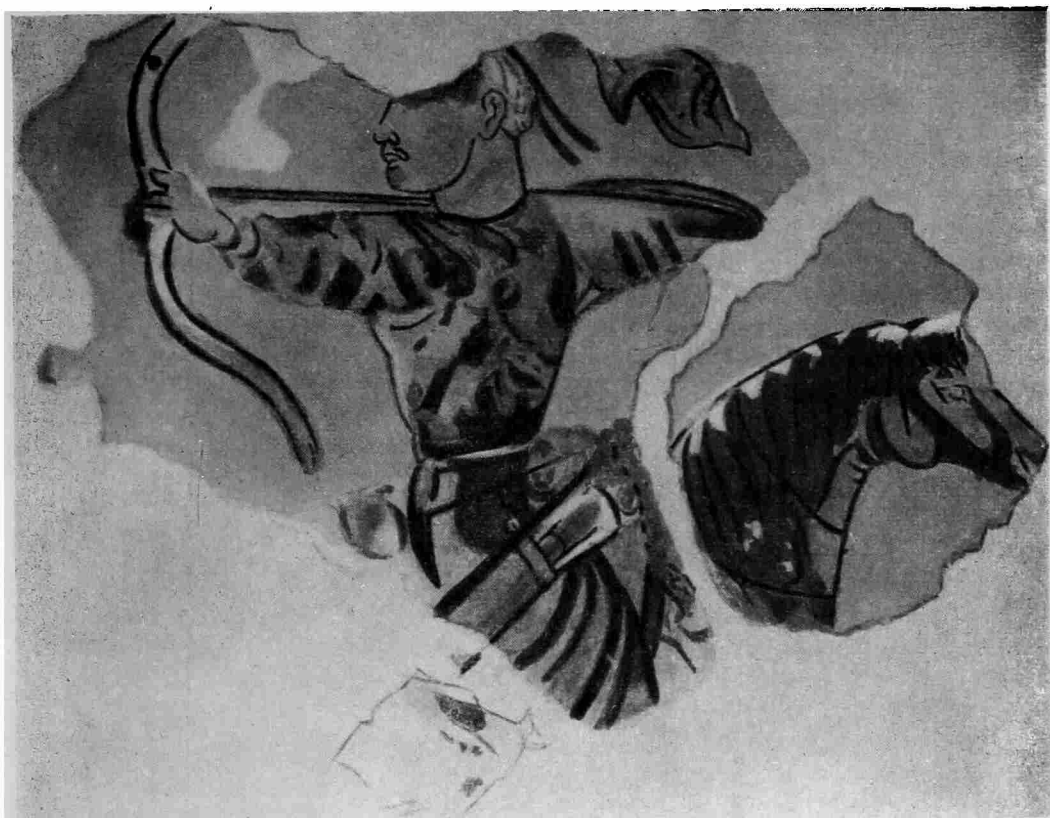

Рис. 8. Фрагмент живописи из позднего здания внутри «восточного зала» (зарисовка Г. Н. Никитина).

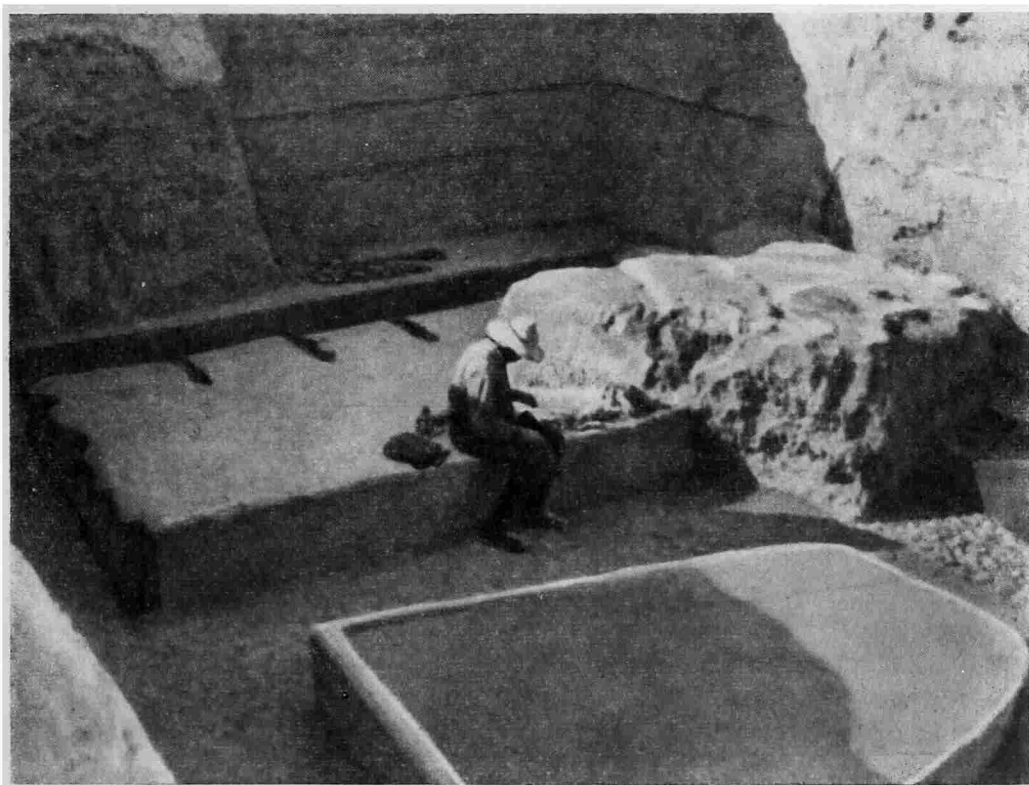

Рис. 9. Раскопки «красного зала».

Рис. 10. Часть живописи на западной стене «красного зала».

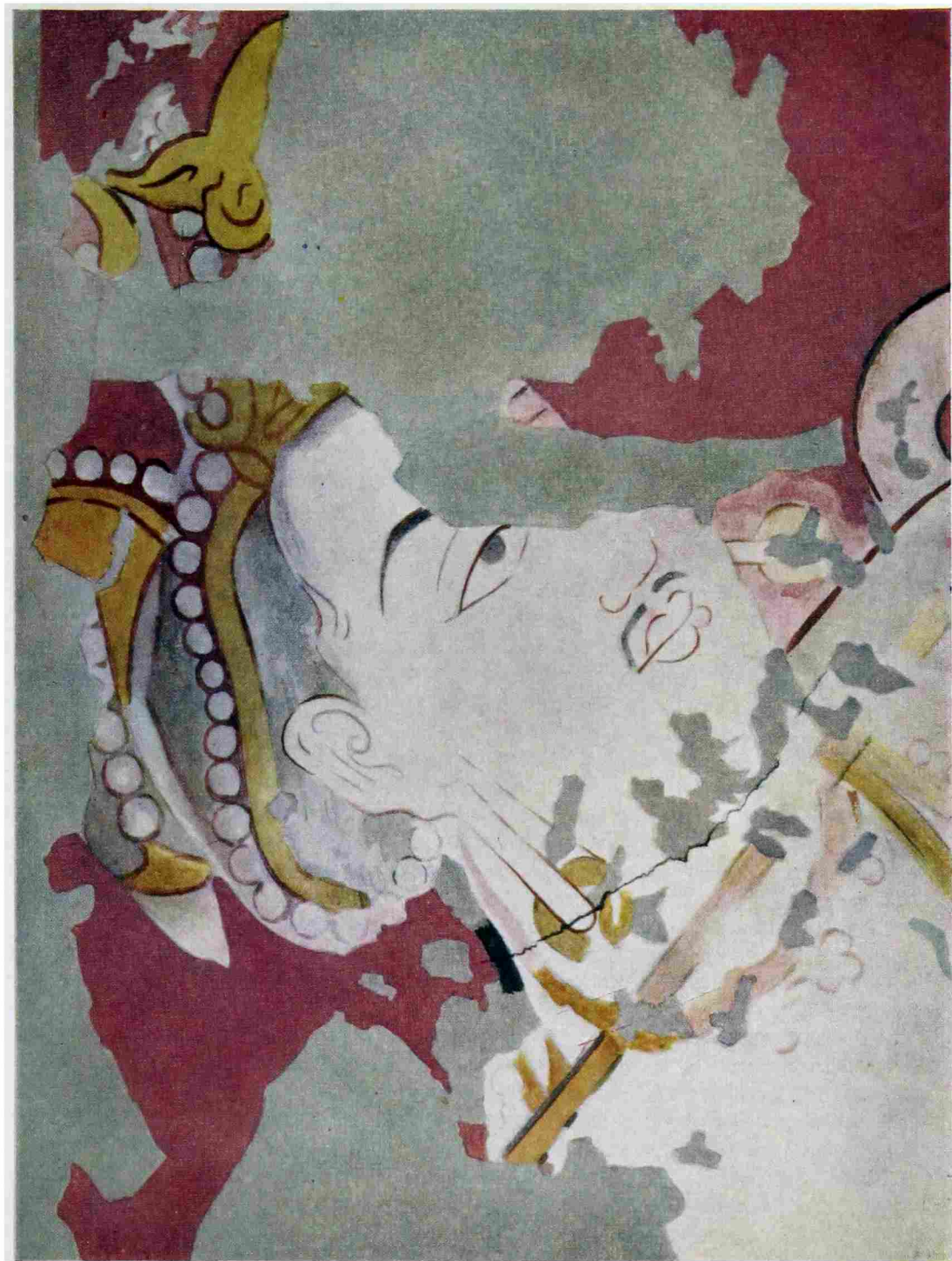

Рис. 11. Фрагмент живописи на стене «красного зала» (зарисовка В. Н. Кедрина).

группы со слоном в центре (рис. 12). Одна из них, западная, вскрыта полностью. На слона нападают чудовища в виде белых грифонов с короткими крыльями и длинными изогнутыми шеями. Голова грифона имеет небольшие рога. Фрагментарно сохранилось изображение туловища всадника. Так же как и в предыдущем случае, его обнаженный торс украшен ожерельями. Левая группа (на стене она занимает центральное положение) открыта еще не вся: видна голова слона, идущего вправо, и бросающийся на него в стремительном прыжке зверь, также напоминающий гепарда.

Открыт небольшой отрезок и восточной стены в пределах одной такой же композиционной группы. Живопись здесь почти в точности повторяет то, что изображено на противоположной стене.

Верхний пояс живописи сохранился значительно хуже. В нем изображено шествие зверей, от которых остались только ноги. Все эти животные идут влево, примерно на одинаковом друг от друга расстоянии. Здесь видны ноги копытных животных (лошади, оленя) и лапы хищных зверей кошачьей породы, наряду с которыми представлены и явно фантастические существа с кошачьими задними и птичьими передними лапами. То обстоятельство, что в этой композиции было изображено не шествие реальных зверей, подтверждается и тем, что на некоторых фигурах животных были изображены попоны и стремена.

Колорит живописи «красного зала», в отличие от «восточного», при большой яркости и насыщенности тонов чрезвычайно строг и сдержан. Все фигуры как в верхнем, так и в нижнем поясах, изображены на сплошном красном охристом фоне. Сами фигуры изображены разными оттенками белого, розового, серого и желтого тонов. В некоторых случаях замечается попытка передать объем, но светотени здесь нет, и в целом живопись следует характеризовать как условную, плоскостную. Условность подчеркивается прорисовкой контуров и деталей черной или красной линией. Несколько странное впечатление производят пропорции слонов: тело их чрезвычайно вытянуто, ноги очень коротки. В то же время изображения фигур других животных показывают большую наблюдательность и верный глаз художника, умение передать не только правильные пропорции, но и стремительное движение. Повидимому, это можно объяснить только тем, что художник не был хорошо знаком с реальным слоном, который не водился в Средней Азии, и рисовал его по виденным им картинам и даже, может быть, на память.

Сравнение живописных панно «восточного» и «красного» залов наталкивает и еще на ряд соображений. В «восточном зале» мы с полной несомненностью встречаемся с реальным, но несколько идеализированным изображением бытовых сцен из жизни дворца бухархудатов. Костюмы, ткани, оружие и предметы утвари, показанные здесь, не оставляют никакого сомнения в том, что они рисованы с реальных, действительно существовавших предметов. Другое дело живопись «красного зала»: здесь все, начиная со слишком легких для Средней Азии костюмов людей и кончая гибридными животными с задними кошачьими и передними птичьими лапами, не говоря о крылатых грифонах, фантастично, не реально. О том же говорит и своеобразная общая композиция живописных панно, так сказать, орнаментизированная и даже примитивная. Весьма возможно, что по характеру живописи можно судить и о назначении того и другого помещений. Первое, на наш взгляд, легко можно было бы считать залом для торжественных приемов царя, второе могло являться культовым местом, где совершались религиозные церемонии.

Основание для такого предположения дает и сам зал. Раскопками 1953 г., когда, наконец, зал был раскрыт полностью, за исключением небольших останцев земли, непосредственно прикрывавших еще не исследованные части росписей, выяснилось, что вдоль стен проходила сложенная из сырцового кирпича скамья. На южной стороне, отделяясь от этой скамьи узким проходом, возвышалась прямоугольная платформа, также из сырцового кирпича, на поверхности которой видны пазы от каких-то находившихся на ней сооружений, а по краям — следы от столбов прикрывавшего платформу балдахина (см. рис. 9). В середине зала имеется еще одна сырцовая платформа, прямоугольная в восточном конце и овально закругленная в западном. Прямоугольная часть обнесена невысоким глиняным валиком. На поверхности этой платформы заметны следы огня. Вряд ли можно сомневаться, что в этой платформе было место, где стоял жертвенник, возможно, такого же типа, как изображенный на южной стене «восточного зала» и в росписях Пянджикента. Судя по этим двум примерам, такая форма жертвенника или курильницы имела значительное распространение. Последнее подкрепляется находкой в 1953 г. при раскопках Балалык-тепе в Сурхан-Дарьинской области очень сходного по форме предмета, сделанного из глины.

Зал был построен одновременно и в связи с упоминавшейся выше южной стеной всего здания; позднее, при ремонте, время которого трудно определить, восточная и западная стены зала были переложены в большей своей части. Переложены они были в новой строительной технике. Это уже не «комбинированная» сырцово-пахсовая кладка; новые стены сложены из сырцового кирпича несколько более крупного формата, с тонкими швами. От старой кладки остались всего лишь части стен, непосредственно примыкавшие к южной стене. Только после этого ремонта появилась описанная выше стенная роспись. Еще позднее, уже не при ремонте, а при полной перестройке, на северной стороне зала была построена толстая, но грубо сложенная стена (старая северная стена зала вообще не сохранилась), и все помещение было заполнено землей с кусками сырцового кирпича, причем засыпка велась правильными слоями (25—30 см) с трамбовкой каждого слоя. Так же было забито и соседнее помещение, расположенное западнее. На получившейся таким образом платформе были возведены новые здания, также из сырцового кирпича, от которых до нас дошли такие незначительные следы, что определить их характер и назначение представляется совершенно невозможным; ветер и перекатывающийся через городище песок уничтожили их почти полностью. При этой перестройке жестоко пострадали стенные росписи. Именно в это время, надо полагать, были вырублены большие куски росписи, особенно головы изображенных в ней человеческих фигур.

К этому же времени, на что имеется ряд указаний, должны относиться вымостка двора, расположенного севернее «красного зала», и ряд других сооружений, в частности, тех небольших продолговатых помещений на южной стороне, в которых в 1938 г. нами было найдено большое количество фрагментов алебастрового декора здания.

Остановимся еще на одной, относительно поздней части разновременного архитектурного комплекса дворца, открытой в 1950 г. Это сооружение находится в западной части дворцового здания и занимает довольно обширную прямоугольную площадь. Северная часть его представляла собой открытый дворик, вымощенный крупным квадратным обожженным кирпичом; северная часть, возвышающаяся над двориком на три

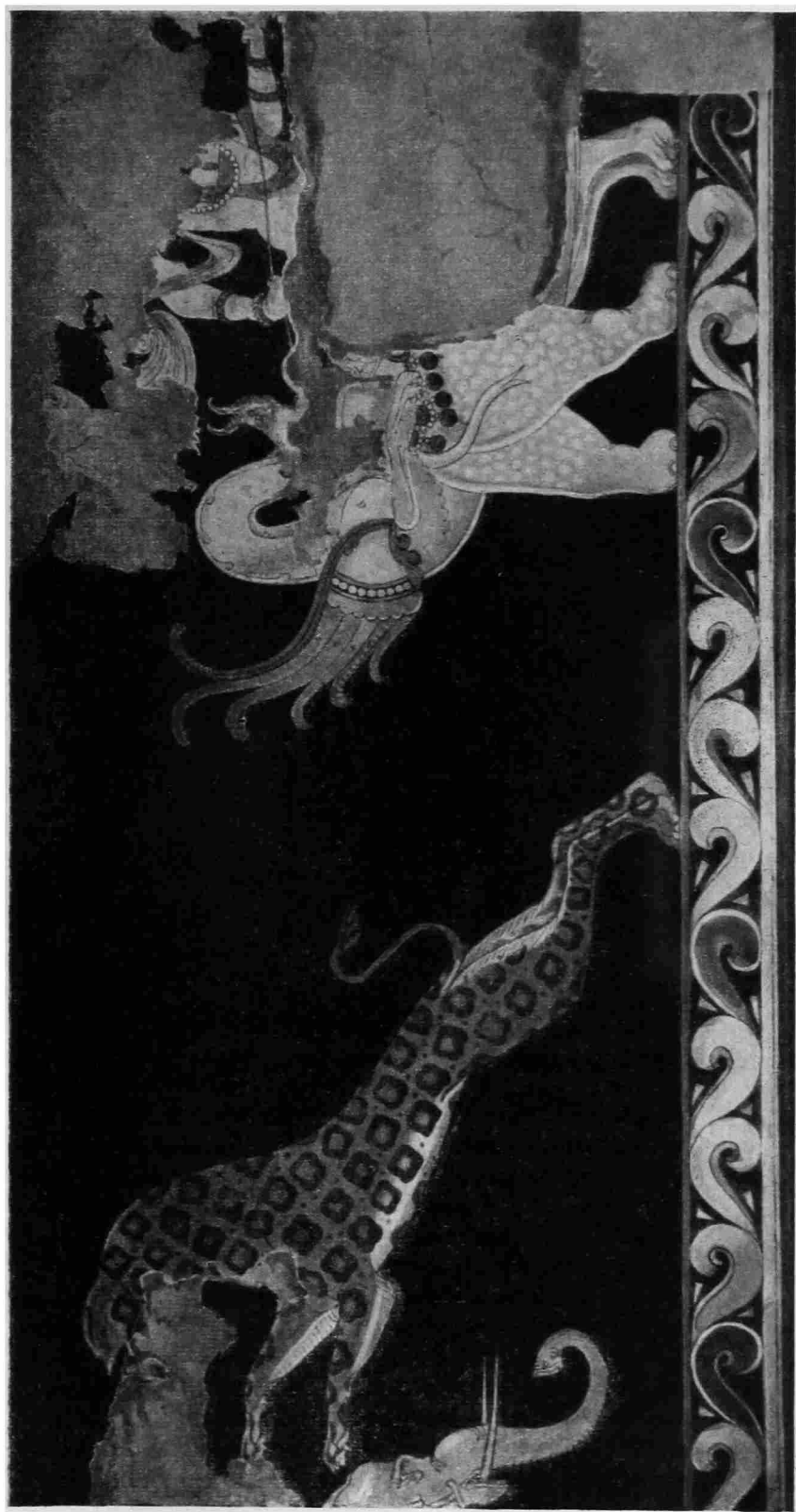

Рис. 12. Животное на южной стене «красного зала» (зарисовка — элементами реконструкции, выполненная В. А. Пильским)

ступени, отделена от него аркадой, опиравшейся на два мощных кирпичных круглых столба-колонны и на две такого же диаметра полуколонны по краям, что дало нам основание условно назвать это сооружение «айваном» (рис. 13). Пол «айвана» также выстлан крупным обожженным квадратным кирпичом очень слабого обжига. Колонны покоились на

Рис. 13. Раскопки «айвана».

квадратных плинтах, сложенных также из обожженного кирпича, под ними — фундамент из обожженного и сырцового кирпича. Интересно отметить, что сами столбы были сложены из специального лекального клинчатого кирпича. Сохранность этой постройки оказалась очень плохой. Более или менее уцелели нижние части восточной полуколонны и находящейся рядом с ней колонны. От полуколонны и колонны в западной половине сохранились только фундаменты. Совершенно неясным остался вопрос о перекрытии «айвана». При большой его площади здесь не могло быть сводчатого перекрытия; единственное возможное предположение: помещение было перекрыто по балкам, но и в этом случае перекрытие должно было опираться на столбы. Между тем при самом тщательном исследовании пола никаких следов столбов мы не могли найти.

«Айван» был некогда богато декорирован резьбой по алебастру. Об этом свидетельствует большой фрагмент алебастрового декора, сохранившийся на своем месте на восточной полуколонне. При раскопках «айвана» было найдено большое количество обломков этого декора, числом в не-

сколько тысяч (считая и мелкие куски орнаментированной штукатурки). На этих фрагментах обильно представлен разнообразный геометрический и особенно растительный орнамент (рис. 14 и 15), весьма сходный с тем, который был обнаружен в 1938 г., но дающий и некоторые новые орнаментальные мотивы, в частности плетенку. Наряду с орнаментальной резьбой на фрагментах имеются и изображения животных: голова и передняя часть туловища кийка (джейрана), почти целая фигура стреми-

Рис. 14. Фрагмент орнаментального бордюра из раскопок «айвана».

тельно бегущего барана с большими закрученными рогами (рис. 16), головы кабанов, птицы (рис. 17) и т. д. Совершенно очевидно, что в этих фрагментах имеются остатки сцены охоты; эта сцена украшала какую-то часть «айвана». В спину барана вонзилась стрела, которая проходит через все туловище. Дополнением, подтверждающим это заключение, являются фигуры лошадей. От одной из них сохранилась только голова, от другой — туловище с попой и ногой сидящего на ней всадника, на правом боку которого висит колчан со стрелами. Фантастические животные здесь представлены рогатой головой дракона на длинной изогнутой шее. При раскопках около сохранившихся остатков колонны был также найден большой кусок свалившейся откуда-то стены из обожженного кирпича, интересный тем, что на нем сохранилась покрывавшая его алебастровая штукатурка с горельефным изображением женской головы и руки, представленных на фоне орнамента из виноградных побегов, листьев и гроздьев; голова повернута в три четверти влево (рис. 18). Неподалеку найдена была и вторая такая же голова, но повернутая в противоположную сторону. По положению руки и остаткам шарфа, сохранившегося

Рис. 15. Алебастровое орнаментальное панно на терракотовой плите.

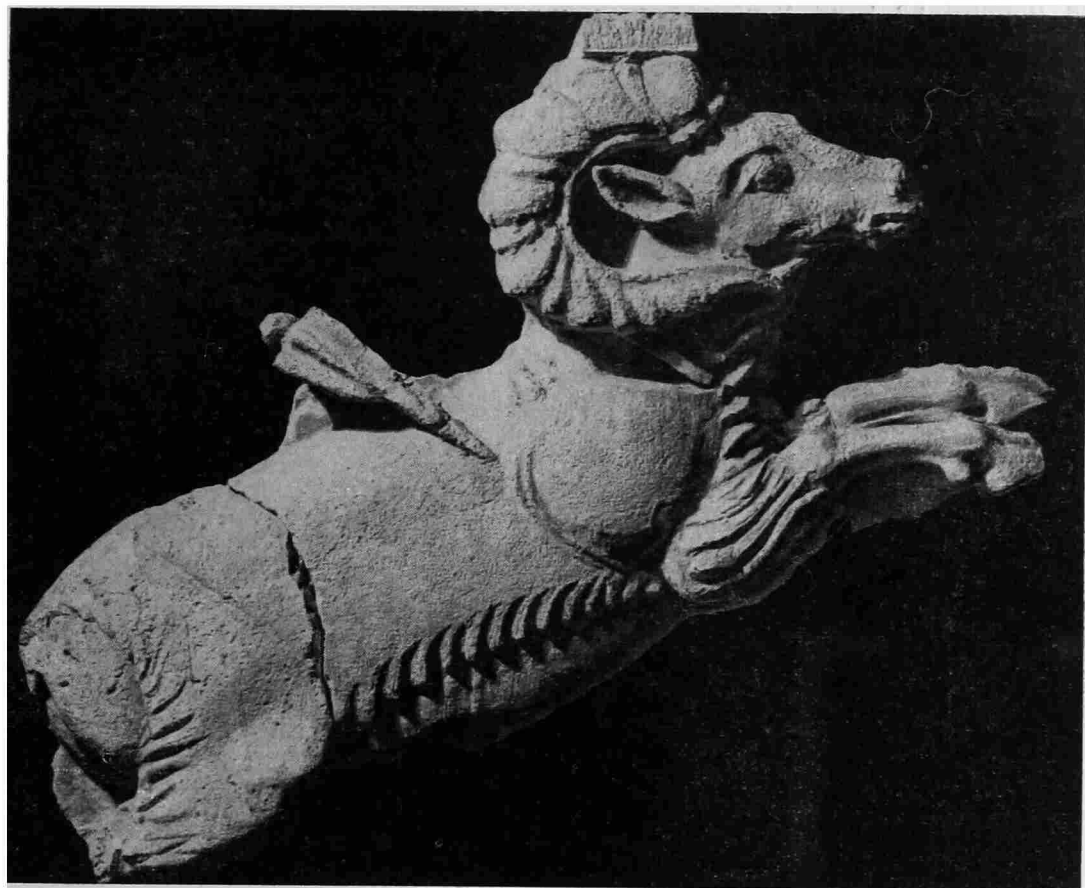

Рис. 16. Изображение барана из раскопок «айвана».

Рис. 17. Изображение птицы из раскопок «айвана».

на первом из этих горельефов, можно предположить, что женщины изображали собой танцовщиц.

Алебастровая скульптура и резной орнамент «айвана», как и те фрагменты этого вида искусства, которые были найдены и описаны в прошлые годы, показывают большое и изощренное мастерство художников, смелую лепку формы без излишней детализации, свободное владение рез-

Рис. 18. Изображение женской головы из раскопок «айвана».

цом без всяких предварительных «припорохов» и шаблонов. Это уже, несомненно, развитое искусство, предполагающее большую традицию, передававшуюся из поколения в поколение.

«Айван» подвергся разрушению еще до X в. В западной его части, на развалинах, в X—XI вв. существовали какие-то, повидимому, жилые постройки; сохранились часть пола, фигурно выложенного кирпичом, остатки стен, очаг, мусорные ямы с типичной для этого времени керамикой и изделиями из стекла.

В 1951—1952 гг. сотрудниками экспедиции В. А. Нильсеном были произведены обследование и раскопки цитадели, возвышавшейся рядом с дворцом на южной стороне городища (рис. 19). Здесь были также обнаружены три основных периода строительства. По полученным данным, впервые цитадель на этом месте была возведена в конце V или начале VI в. Она состояла тогда из необычайно мощного стилобата, достигшего высоты 15 м, и строения наверху, стены которого были сложены в той

же самой «комбинированной» системе кладки, как и древнейшие стены дворцового здания (рис. 20). От этого строения почти ничего не сохранилось, кроме небольших фрагментов, по которым можно судить, что снаружи оно было оформлено такими же полуколоннами — «гофрами», как и упомянутая выше башня к югу от дворцового здания. Что же касается стилобата, то выяснилось, что он состоял из мощных сырцовых стен, одетых снаружи второй, глинобитной стеной. Пространство внутри стен было заполнено землей. Наши попытки прозондировать эту толщу, а также и длинные кладоискательские ходы, глубоко врезающиеся в стилобат, никаких стен и помещений в толще стилобата не обнаружили.

Рис. 19. Раскопки цитадели (вид со стороны городища).

Позднее (точную дату установить трудно) к восточной стороне цитадели было пристроено большое капитальное здание, состоявшее из ряда продолговатых коридорообразных помещений (рис. 21); это здание стояло также на высоком, но все же значительно более низком, чем в первом случае, стилобате. Помещения этого здания, повидимому, вскоре после его постройки были тщательно забиты землей, а частично даже заполнены прочной кладкой из сырцового кирпича, благодаря чему оно сохранило значительные остатки своих сводчатых перекрытий, сложенных наклонными отрезками. Наверху после этой забивки помещений, надо полагать, было возведено еще какое-то здание (или предполагалось его возвести), но никаких следов этого верхнего строения обнаружить нам не удалось: если они и были, то ветер и песок уничтожили их полностью.

К самому позднему периоду существования города относятся остатки построек на восточной, более высокой части цитадели. Эти остатки заключаются в фигурном настиле пола из обожженного кирпича со сливным сооружением — поглощающим колодцем в середине, закрытым большим мельничным жерновом; сохранились также остатки лестницы

(на восточной стороне), выложенной из обожженного кирпича, и некоторые незначительные фрагменты стен из обожженного и мелкого квадратного сырцового кирпича.

Раскопки дворцового здания и связанной с ним цитадели, как уже сказано выше, заставили в корне пересмотреть те предположения об истории дворца и цитадели, которые сложились в результате наших первых работ, производившихся в довоенные годы. В частности, цитадель была принята нами тогда за одну из структурных частей первоначаль-

Рис. 20. Остатки полуколонн у стены цитадели.

ного города. А так как некоторый пмевшийся в нашем распоряжении материал, — в частности материал из большого шурфа, вырытого в центральной части городища и прорезавший всю толщу культурных наслоений (около 11 м глубиной), — указывал на большую древность возникновения поселения, во всяком случае не позднее начала нашей эры, то и сама цитадель представлялась сооружением значительно более древним. В результате описанных работ стало совершенно ясно, что цитадель, а вместе с нею и дворец являются свидетелями больших перемен, которые произошли в самой структуре города. Это заставило внимательнее всмотреться в особенности рельефа городища. Эти особенности в основном заключаются в том, что в центре неправильной по конфигурации площади, занятой городом, имеется значительное, но расплывчатое по форме повышение. Это повышение со всех сторон окружено кольцеобразной низиной, в значительной части засыпанной песком. Самая углубленная и широкая часть этой низины находится на западной стороне. От низины площадь городища со всех сторон снова повышается к внешним городским стенам. Такой рельеф городища уже сам по себе наталкивал на мысль, что поселение в далекой древности имело совсем иную планировку, чем в последние периоды его существования.

Для проверки и уточнения этого положения в 1953 г. были начаты два раскопа. Ввиду того, что эти раскопы еще не закончены, даем самое краткое их описание.

Первый из раскопов, начатый сразу на большой площади, расположен на западном склоне центрального холма¹. В первом сезоне раскопок выявлено, что под незначительным верхним слоем песка и некоторых

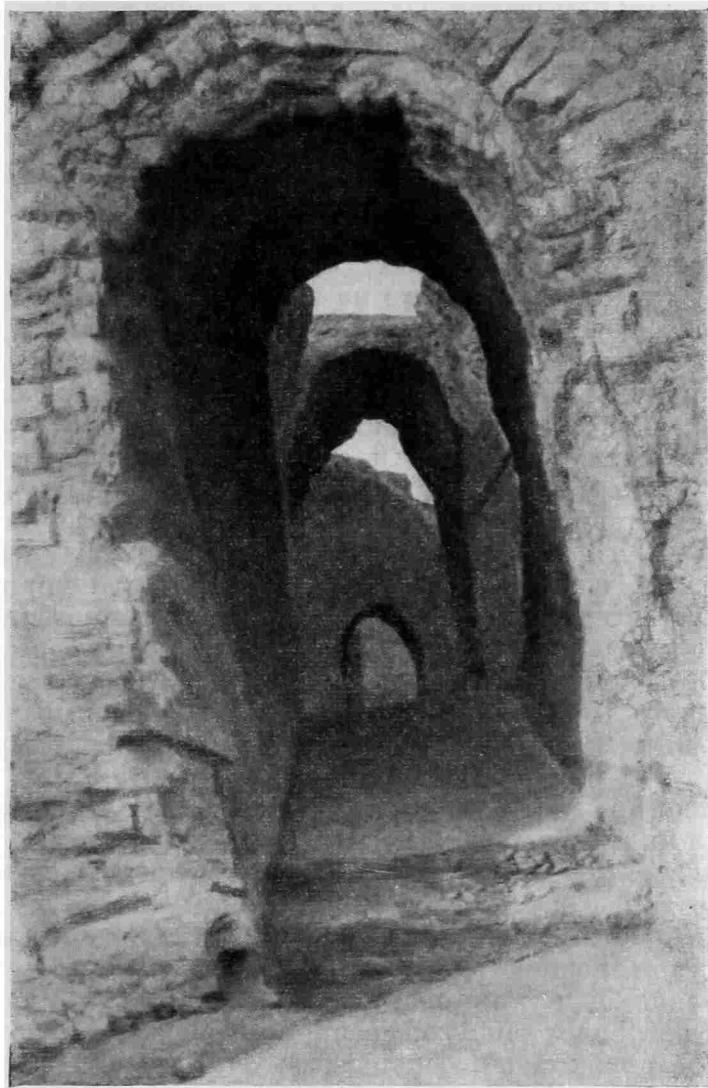

Рис. 21. Одно из помещений в восточной части цитадели.

очень сильно разрушившихся остатков сооружений позднейшего периода существования города (X—XI вв.) на протяжении 30 м от верхнего края раскопа (иными словами, — от середины центрального холма) лежит сплошная, но сделанная, видимо, отдельными участками платформа из нескольких рядов крупного сырцового кирпича, представляющая собою, надо полагать, нечто вроде фундамента для позднейших построек. Первоначальной длины этой платформы выяснить не удалось, так как

¹ Раскопки производили В. А. Нильсен, М. Х. Урманова и Т. Агзамходжаев. Длина раскопа с запада на восток достигла 52 м при ширине от 12 до 8 м.

она выклинивается на западном склоне, и западный край ее оказался разрушенным. В следующем горизонте под этой платформой лежат сохранившиеся на небольшую высоту остатки здания, стены которого характеризуются типичной «комбинированной» кладкой из сырцового кирпича и глины, аналогичной такой же кладке древнейших частей дворцового здания и западной части цитадели, что наталкивает и здесь на мысль о синхронности этих сооружений. В раскопанной части этого здания оказались три помещения. Одно из них, самое большое, повидимому, имело культовое назначение, о чем говорит небольшое прямоугольное возвышение, сложенное из сырцового кирпича, которое могло являться местом для установки жертвенника, а в соседнем, раскрытом частично, помещении на южной стороне раскопа обнаружены значительные скопления золы.

Ниже этих остатков, начиная с глубины около 2,5 м, лежит мощный слой, заключающий в себе остатки более ранних построек. Опуская описание некоторых промежуточных, очень плохо сохранившихся фрагментов стен и кладок, отметим, что на глубину до 5,25 м уходят остатки, повидимому, довольно монументальной постройки, кладка стен которой очень сильно отличается от вышележащих. В этой кладке использован сырцовый кирпич, небрежно сформованный, различных размеров: квадратный со стороной от 38 до 41 см при толщине около 9 см и продолговатый, очень крупный — $46 \times 36 \times 9$ см. Техника кладки напоминает ту вышеописанную «комбинированную» кладку, в которой кирпичи уложены со значительными промежутками; а между рядами кирпичей положен толстый слой глины, заполняющий и промежутки между кирпичами, но формат и размеры использованного здесь сырцового кирпича встречены на Варахше впервые. При раскопках этого сооружения, сохранившегося очень плохо, были найдены две монеты: одна — медная скифатная описанного выше типа, вторая — часто встречающаяся на Варахше среди подъемного нумизматического материала небольшая медная монета с изображением на одной стороне животного (верблюда), идущего вправо, на другой стороне — жертвенника. Монеты эти в нумизматике пока точно не датированы и не приурочены к определенному месту. Масовые находки их на Варахше и место в раскопе, где они встречены, позволяют нам теперь закрепить за ними бухарское происхождение и отнести их ко времени не позднее конца IV или начала V в.

На этом раскопки 1953 г. были закончены. Остались не вскрытыми еще нижние наслоения, мощность которых должна быть не меньше 4,5—5 м.

Второй раскоп, целью которого является также выяснение стратиграфии культурных наслоений городища, был заложен в его северо-западном углу¹. В верхних слоях обнаружены очень плохо и фрагментарно сохранившиеся остатки построек последнего периода города. Под ними такие же, как в только что описанном раскопе, мощные платформы из сырцового кирпича, заполняющие значительную часть площади раскопа. Интересным в этом месте является то, что, прорезав близ самого угла, образованного позднейшими стенами Варахши, толщу этих относительно поздних сооружений и напластований, мы обнаружили полуовальную в плане угловую башню древней оборонительной стены. Башня сложена из крупного квадратного кирпича. Этот кирпич и характер кладки настолько отличны от исследованных на Варахше до этого времени, что эту башню можно смело отнести к другому, более раннему периоду и датировать ее пока ориентировочно временем около начала на-

¹ За раскопом наблюдал С. К. Кабанов.

шей эры. Такая датировка башни находит подтверждение в проводившихся нами небольших по объему исследованиях в «западной группе развалин» на бугре Баш-тепе¹ и выполненных в 1951—1952 гг. раскопках небольшого безымянного городища, условно названного нами Аяк-тепе № 2². Оба они расположены в 17—20 км на запад от Варахши.

Упомянем еще о произведенных в 1951—1952 гг. раскопках остатков жилых домов X—XI вв. на западной стороне городища. Здесь были раскрыты сохранившиеся на небольшую высоту стены нескольких домов, примыкавших непосредственно к городской стене; городская стена являлась в сущности западной стеной этих домов. Хорошо устанавливаются планы домов с небольшими двориками в середине, окруженными жилыми помещениями. Несколько домов соединяются в один сплошной блок; стены, разделяющие их, являются общими для двух домов. С восточной стороны вдоль домов проходит очень узкая улочка, по другую сторону которой также имеются остатки жилых построек, вскоре выклинивающихся, так как местность в восточном направлении понижается. Несмотря на то, что при раскопках не удалось обнаружить каких-либо производственных приспособлений или оборудования, можно полагать, что эти постройки представляют собой достаточно типичные жилища горожан среднего достатка — ремесленников или торговцев, повидимому, не связанных или мало связанных с земледелием. Такого рода жилища X—XI вв. нам еще не были известны³.

Древнейшие слои Варахши пока остаются неисследованными, так как они скрыты под многометровой толщей культурных наслоений, вскрытие которых потребует в дальнейшем значительных по объему раскопочных работ; последние дадут возможность установить дату возникновения первоначального поселения на этом месте. Имеющиеся теперь материалы позволяют датировать город временем около начала нашей эры. Структура и планировка этого древнего города еще также не вполне ясны. Можно, однако, предполагать, что они сильно отличались от города последних периодов его существования. Уже теперь с достаточным основанием можно предположить, что в середине площади, окруженной стенами, возвышалось большое здание, неоднократно перестраивавшееся. Как была использована остальная часть территории внутри стен города, мы пока еще не знаем.

Город, несомненно, переживал значительные кризисы и, может быть, даже периоды запустения. На нем сказался и тот кризис, который привел к запустению западную часть тяготевшего к Варахше района, совпавший, по всем данным, с кризисом рабовладельческих отношений.

Основные изменения в характере городской застройки произошли около конца V или в VI в., в период формирования феодальных отношений и укрепления положения землевладельческой аристократии — дехкан, первым из которых в области Бухары был бухар-худат, основавший здесь свою резиденцию. В это время был возведен дворец, «красота которого вошла в поговорку», а рядом с ним — защищавший дворец мощный замок-цитадель, надежное убежище на случай опасности.

Дворец бухар-худатов подвергался, в полном соответствии с данными Наршахи, большим разрушениям, точные причины которых нам неизвестны. Возможно, что эти разрушения, устанавливаемые как сообщениями Наршахи, так и археологическими данными, являются следствием

¹ Работы производились автором статьи в 1938 г.

² Раскопки производил В. Д. Жуков.

³ Раскопки комплекса жилых домов вел С. К. Кабанов.

тех войн, которые потрясли страну, разделенную на множество мелких владений — областей, возглавлявшихся враждовавшими между собой владетелями — бухар-худатами, вардан-худатами, хорезм-шахами, их-шидами, афшинами и т. п. Не менее вероятны и крупные народные восстания крестьян против закабаления их дехканами, подобные восстанию Абура, описанному тем же Наршахи, которое происходило в ближайшем соседстве с Варахшой — в Пайкенде.

Разрушения дворца были настолько значительными, что последующее восстановление в каждом случае можно считать новой постройкой, возводимой по традиции на старых развалинах. Одно из таких значительных восстановлений, потребовавших возведения новых стен взамен обрушившихся, как мы видели выше, можно датировать VII веком. К этому времени относятся стенные росписи «восточного» и «красного» залов. Вскоре после этого произошло и вторичное запустение дворца. Уничтожение голов изображенных в росписи персонажей, так же как и другие признаки умышленной порчи стенных росписей, можно связать с приходом в страну арабов-мусульман, усиленно уничтожавших все, что относилось к прежним культам, и в первую очередь всякого рода культовые изображения; это, однако, не помешало правителям мусульман возводить в VII—IX вв. дворцовые здания, украшенные живописью и скульптурой, изображающими «греховные» сцены с участием людей. Примеры этого мы видим в Кусейр Амра, Каср-ал-Хейре, Самарре и, наконец, здесь же в Варахше, в позднейшем дворце, возведенном на развалинах уничтоженного. По словам «Истории Наршахи», этот последний дворец был построен «уже во времена ислама» бухар-худатом Буният, убитым по распоряжению халифа в своем варахшском дворце за его связь с восстанием Муканны в 782/783 г. К этому дворцу, построенному, следовательно, уже во второй половине VIII в., мы относим те помещения, которые были украшены резьбой по алебастровой штукатурке. После смерти Бунията дворец, надо полагать, был оставлен своими жителями и на этот раз навсегда, хотя некоторая часть постройки, по свидетельству той же «Истории Наршахи», существовала еще в X в.

В последний период существования города, как об этом упоминалось, западная часть площади, занимавшейся дворцом, была освоена под жилые постройки, от которых сохранились следы в виде остатков стен, кирпичных полов и мусорных ям.

Не исключена возможность того, что при гибели Бунията опустошению подвергся и сам город. Но если это и было так, то он вскоре после этого оправился: в X—XI вв. постройки, — повидимому, в основном жилые дома, — покрывали почти всю площадь города, кроме, быть может, развалин дворца, и застройка была при этом весьма интенсивной и плотной. Значительны были, поскольку можно об этом судить по очень плохо сохранившимся остаткам, также и предместья города, особенно около его северо-западного угла и на южной стороне. Однако эти предместья не были окружены стеной, во всяком случае никаких, хотя бы самых ничтожных, следов такой стены нет.

Об этом же, об интенсивной жизни города в X в., говорит огромный подъемный археологический материал в виде осколков керамики, металлических, гончарных и стеклянных шлаков и различных мелких подделок, собранный вокруг городища на площади радиусом в 2 км и больше. Несколько сотен саманидских монет X в. свидетельствуют об оживленной торговой деятельности, заставляющей вспомнить о больших ежегодных ярмарках, происходивших здесь, и о том, что Варахша являлась важным промежуточным пунктом на пути из Бухары в Хорезм.